

А. С. ЛОБАНОВА
(Пермь)

О КУЛЬТУРНЫХ КОННОТАЦИЯХ ОТДЕЛЬНЫХ ЭТНОНИМОВ В ЯЗЫКЕ КОМИ-ПЕРМЯКОВ¹

Аннотация. Статья посвящена вопросам функционирования этнонимов в языке коми-пермяков. Проанализированы закрепленные переносные значения отдельных этнонимов, описаны их коннотативные нагрузки, сформулированы стереотипные представления о других этносах.

Ключевые слова: коми-пермяки, коми-пермяцкий язык, этнос, этноним, этноконнотация.

Коми-пермяцкий этнос сформировался в историческом плане относительно недавно — не ранее XI столетия. Финноугровед В. И. Лыткин в учебнике для вузов «Коми-пермяцкий язык» (1962) утверждал, что «окончательное сложение коми-зырянских языковых особенностей, с одной стороны, и коми-пермяцких, с другой, нужно отнести к более позднему времени — к XIV—XV вв.» [КПЯ 1962, 26]. В историческом развитии народа отсутствуют глобальные судьбоносные события (кроме, пожалуй, присоединения к Московскому государству). Коми-пермяки² жили теми же событиями и веками, что и вся Российская империя (конечно, с учетом географического расположения и своих национальных особенностей). Судя по всему, народ ни с кем не воевал, не имел своих государственных институтов, жил и выжи-

вал в суровых климатических условиях. Коми-пермяки, в силу исторически сложившихся условий, с самого начала своего формирования имели контакты с русским народом, которые никогда не прерывались. Тесная связь двух народов находит наглядное отражение и в языке.

Однако такой крупный регион, как Прикамье, не мог осваиваться и заселяться без взаимодействия разных этнических групп. «Освоение Урала было процессом многонациональным» [Оборин 1990, 33]. Различные контакты на этническом уровне зачастую оставляют следы и в региональной топонимике. А. С. Кривошекова-Гантман, известный специалист по топонимике Верхнего Прикамья, отмечала, что «если “расставить” географические названия в соответствии с временем их возникновения, то можно создать классификацию по исторической обусловленности» [Кривошекова-Гантман 2006, 122]. Антонина Семеновна на территории Верхнего Прикамья выделяла «четыре основных языковых источника названий: 1) пермский: коми-пермяцкий, коми-зырянский, удмуртский; 2) угорский: мансийский, хантыйский; 3) тюркский: волжско-болгарский, башкирский, татарский, западно-сибирско-тюркский; 4) русский» [Кривошекова-Гантман 2006, 122].

Об этнических контактах коми-пермяков говорят и народные предания. Так, Кудым-Ош, коми-пермяцкий эпический герой, был женат на дочери вогульского (манси) князя Костэ [Ожегова 1971, 17—21]. По этому поводу историк В. А. Оборин писал: «Он (Кудым-Ош. — А. Л.) берет себе жену из другого народа — из вогул, а не из другого рода своего племени. Это уже не экзогамный, а межплеменной брак, связанный со стремлением преодолеть родоплеменную замкнутость» [Оборин 1974, 115]. Другой коми-пермяцкий эпический герой, Пера, помогает русскому войску бороться с идолищем, а также «с чужим богатырем южного царя, с татаринцом, неизменно побеждает их» [Микушев 1981, 12]. Однако он же борется с графом Строгановым [Ожегова 1971, 93—97]. Здесь уместно процитировать авторитетного специ-

¹ Работа выполнена в рамках гранта «Религиозно-мифологические верования коми-пермяков» № 13-11-59001-а(р) и гранта «Коммуникативные коды в коми-пермяцкой культуре (речь, фольклор, обрядность, символосфера)» № 14-14-59005 -а(р).

² До 1920-х гг. народ именовался пермяки, а язык — пермяцкий, после этого времени — коми-пермяки и коми-пермяцкий соответственно.

алиста по вопросам этнических стереотипов в народной культуре славян О. В. Белову: «Каждый народ пытается осмыслить себя, свое место в истории и культуре не только опираясь на письменные источники и исторические факты, но и обращаясь (порой бессознательно) к “фольклорной памяти”, традициям и верованиям. В народной культуре отношение к представителям других этносов во многом определяется понятием этноцентризма, когда “свои” традиции, “своя” религия, “свои” обычаи и “свой” язык мыслятся единственно “настоящими”, “правильными” и “праведными”» [Белова 2006].

Хотя представления коми-пермяков об иных народах в фольклорных текстах отражены довольно скупо, на них обращали внимание фольклористы и историки [Ожегова 1971; Оборин 1974; Микушев 1981]. Предметом внимания лингвистов данная проблема ни разу не становилась, чем и продиктован, в первую очередь, выбор темы исследования. Семантическая оппозиция «свой» — «чужой», проявляющаяся в разных лексико-тематических группах, очень благодатная и многогранная тема для исследования этнокультурных традиций народа. Этностереотипы, являясь довольно тонкой этической материей, воплощают для каждого этноса специфические традиции и отражают представления о «своих чужаках». Необходимость изучения этого пласта в коми-пермяцком этнокультурном пространстве возникла давно, и данная работа является первой попыткой такого исследования.

У любого этноса есть желание продемонстрировать свои представления о чужом народе, показать «иноплеменной мир», что зачастую реализуется средствами родного языка. На первый взгляд, этнические стереотипы у коми-пермяков должны быть наиболее полными по отношению к русскому этносу, а по отношению к иным народам (со всеми этноконнотациями, противопоставлениями по типу «свой» — «чужой») при необходимости должны были проникнуть через русский язык или представлять следы былых контактов. Действительно, этнические стереотипы, связанные с этнонимами *та-*

тарин, еврей, цыган, казак, проникли в этнокультурную составляющую коми-пермяков через русскую культурную среду, но при этом сегодня наблюдается присваивание им дополнительных этноконнотаций (подробнее см. ниже). Одновременно с этим в современном коми-пермяцком языке ряд общеизвестных этнонимов функционирует в особом семантическом качестве. Следует особо отметить, что прозвищных этнонимов коми-пермяцкий язык не сформировал, а если таковые встречаются, то они пришли из русского языка, сохранив первичную номинацию. Данный факт раскрывает многие черты этноса: от лояльности, терпимости к иной нации до определенного безразличия, равнодушия к людям иной национальности.

Итак, названия национальностей могут нести большую коннотативную нагрузку, а коннотации, присущие определенным этнонимам, принято называть *этноконнотациями*. О. И. Быкова дает такое определение: «Этноконнотация — особый вид культурной коннотации содержит гетерохронные и гетерофункциональные признаки этноконнотата (ЭК), вызывающие в сознании коммуниканта отнесенность языковой единицы к определенному этнокультурному пространству» [Быкова 2007].

Е. Л. Березович и Д. П. Гулик оперируют термином *отэтнонимический семантический дериват* и приводят следующую трактовку: «ОД — этнонимы и их производные, которые в качестве самостоятельных лексических единиц либо в составе устойчивых словосочетаний имеют лексикографически закрепленные переносные значения, являющиеся узальной “материализацией” характерных для данного этнонима коннотаций и тем самым представляют источник языковой информации о представителе этнической группы» [Березович, Гулик 2002]³. Данного ракурса

³ Проблема бинарных оппозиций представлена также во многих работах Н. И. Толстого. Он отмечает, что различного рода оппозиции важно изучать «в отдельно взятой конкретной традиции, относящейся к одному этносу и одному синхронному срезу» [Толстой 1995, 152].

анализа, как наиболее подходящего для нашего материала, мы попытаемся приживаться в данной статье.

Наше внимание привлекли этнонимы, имеющие в языке коми-пермяков особое функциональное или семантическое качество. Их немного: *роч* «русский», *вогул* (фонетический вариант *вогув*), *татара* (фонетический вариант *тотара*), *еврей* (*еврейка*), *вотьяк*, *казак*, *чиган* (*чиганка*), фразеологизм *нагайской кобыва* «нагайская кобыла». Описание и анализ коннотаций этих этнонимов, функционирующих в современной этнокультурной традиции коми-пермяков, является целью данной статьи.

Остановимся на отдельных этнонимах и их коннотациях, возникающих в сознании коми-пермяков и передающихся средствами языка.

Этноним *татара* (фонетический вариант *тотара*) — «татары». У данного термина несколько коннотаций, чаще всего это наименование используется для обозначения группы людей, имеющих следующие качества: они маленького роста, их много, они шумные и доставляют какие-либо неприятные хлопоты. Например, следующие выражения носители коми-пермяцкого языка воспримут однозначно — в названных действиях участие принимали дети: «*Тотара ті, тотара, керкуас грезьсö тыр бора пыртит*» (Татары вы, татары, столько грязи опять в дом занесли)⁴. *Татарыс турунсö ниль керöмась* (Татары-то всю траву помяли). Поскольку лексема знает только собирательное значение, то она употребляется в форме множественного числа (если не считать фитоним *татарин* от русского «татарник»). В Юсьвинском р-не Коми-Пермяцкого округа нами зафиксировано выражение «*Баитöны, кыз тотара яй масьтöны*» (Разговаривают, как татары мясо рубят) в значении: «говорят все разом, ничего не понять, ничего не расслышать» (Зап. от Надежды Ивановны Утевой, 1962 г. р., д. Сельково, Юсьвинский р-н. 2013 г.). Здесь проявляется несколько иная коннотация — возникновение неудобства связано с непониманием речи, разговора. Данная семантическая нагрузка имеет свой конкретный ареал

⁴ Здесь и далее дословный перевод автора.

и не получила широкого распространения в языке коми-пермяков.

Своеобразной метафоризации подвергается наречие *по-татарски*, его коми-пермяки часто употребляют также с отрицательной коннотацией. Его используют в том случае, когда кто-либо не доволен чьей-то работой, чьи-то неаккуратно, неправильно выполненные действиями: «*Мыйкö тэ куртöмат по-татарски*» (Что-то ты сгребал сено по-татарски) в значении «Что-то ты плохо сено сгребал»; «*Бöра тай по-татарски уджалан*» (Ты опять по-татарски работаешь) в значении «Ты опять плохо работаешь (или выполняешь неправильные действия)».

Вогул — устаревшее название народа манси. Манси представляют один из трех угорских народов и генеалогически являются дальними родственниками коми-пермяков. В прошлом народы имели смежные земли (на территории современного Коми-Пермяцкого округа встречаются топонимы угорского происхождения: речка Вогулка, село Пелым и др.), сегодня у коми-пермяков прямых контактов с данным этносом нет. Тем не менее устойчивое выражение *дыш вогул* (ленивый вогул) или устойчивое сравнение *вогул кодь* (как вогул) и сейчас употребляется в значении «ленивый человек». Данные сочетания имеют ярко выраженную гендерную закрепленность — так скажут только о мужчине. Этим этнонимом могут назвать одинокого мужчину, преднамеренно отгородившегося от остального общества, не желающего контактировать с соседями, знакомыми (не путать с понятием *бобыль*): «*Вогул моз оlö*» (Живет как вогул) в значении «живет одиноко». Вряд ли современные носители коми-пермяцкого языка в большинстве своем знают первоначальное значение термина *вогул*. Совершенно уверенно можно утверждать, что никаких ассоциаций с народом манси при употреблении названного выражения нет. Если с термином *татара* «татары» возникшие коннотации можно объяснить имеющимися стереотипами, историческими фактами, то устаревший термин *вогул* и сформировавшиеся при его употреблении коми-пермяками дополнительные смысловые нагрузки подобному анализу не поддаются.

Этнокультурные стереотипы наглядно проявляются в употреблении термина *еврей*. Ассоциации, связанные с данным наименованием, у коми-пермяка разные: злость, недоброжелательность, зависть. Этим термином могут назвать человека, которому невозможно угодить, который всем недоугоден. Напр.: «*Еврейкаыс бѳра локтис*» (Еврейка-то опять пришла) в значении «Недоброжелательница пришла». В случае употребления этнонима в качестве обращения (*Еврей тэ* (Еврей ты)), человек, в чей адрес направлен вокатив, может воспринять его как личное оскорбление. Этот этноним может также употребляться для обозначения человека, выделившегося в чем-либо: раньше всех завершил весенние посадки, быстрее всех управился с сенокосом, уборкой картофеля и др. Коннотации, связанные с данным наименованием, довольно разноплановы. Следует признать, что в коми-пермяцкой этнокультуре относительно этнонима *еврей* выработались по неизвестным причинам довольно суровые стереотипы.

Единственный этноним, который образовался в пермских языках — это *роч* «русский», ср. к-п. *роч*, к-з. *роч*, удм. *дзуч* [КЭСКЯ 1970, 243]. Вот что отмечают авторы Краткого этимологического словаря коми языка относительно данной лексики: «Это пермское слово считают заимствованием из прибалтийско-финских языков, в которых оно обозначало жителя Скандинавии... Первоначально слово *роч* в пермском языке-основе могло обозначать прибывшего из других краев, чужеземца» [Там же]. Судя по всему, первоначально лексема имела значение «чужой», а позднее закрепилась за понятием «русский». Впоследствии *роч* с семантикой «русский» заимствовали ханты и манси. У данных этнонимов в языке коми-пермяков значительно больше ситуаций для применения. Во многих случаях языковой аспект стал причиной возникновения оппозиции. Русский язык коми-пермяками воспринимается как чужой, а носитель этого языка — как неспособный к общению, к коммуникации. В этом плане вокативное выражение «*Роч, ты мне голову не морочь*»

вполне уместно (Зап. от Ивана Алексеевича Подюкова, 1952 г. р., г. Пермь. 2013 г.).

А. В. Панюков, анализируя этноним *роч* (русский) в коми традиционной картине мира, говорит, что «обращаясь к эпитету “роч”, исследователи отмечают ярко выраженный престижно-знаковый характер, что традиционно определяется как отражение культурного приоритета» [Панюков 2003]. Наш материал (коми-пермяцкий) отчасти подтверждает это суждение. Однако в этнокультурном мировосприятии коми-пермяков у этнонима *роч* (русский) семантика престижности не является ведущей.

В современном коми-пермяцком языке встречаются следующие сочетания с компонентом *роч* или производные от слова *роч*: фразеологизм *роч акань* (русская кукла), *роч паськѳм* (русская одежда), *рочѳвѳй паськѳм* (русская одежда), *рочѳн баитны* (разговаривать по-русски), *рочавны* (глагол от *роч* в значении «приглашать»), *роч пигыль* (русский пигыль), *рочка* (производное от *роч*), *рочовка* (производное от *роч*), *идья-зѳря коми-роч* (ячменно-овсяный коми-русский).

Прокомментируем эти слова и выражения.

Словосочетание *роч акань* (русская кукла) сегодня является уже устойчивым выражением [Попова 2010, 159]. Так говорят о красивой девушке или об ухоженной, накрашенной девушке, реже женщине. *Роч акань* — это молодая девушка, которая задается, гордится, она чрезмерно высокого мнения о себе. Выражение также вызывает ассоциации с белоручкой, неумехой. Например: «*Роч аканьтѳ бѳра вайѳтан*» (Свою русскую куклу опять приведешь) в значении «Свою белоручку опять приведешь?»; «*Роч аканьыт разь кужас мыйкѳ керны?*» (Твоя русская кукла разве сумеет что-нибудь сделать?).

В устойчивом выражении *роч акань* (русская кукла) ведущую роль играет компонент *акань* «кукла». Существительное, означающее нечто хрупкое, ненадежное, чересчур красивое и идеальное в данном сочетании, подвергается метафоризации, при этом прилагательное *роч* «русский» полностью выходит из рамок своего семантического поля и

перестает ассоциироваться с этнонимом *русский*. Роль компонента *роч*, наверное, заключается в подразумевании семантики «кто-либо не моего (не нашего) круга; красивая, но чужая». При рассмотрении данного устойчивого словосочетания прослеживается еще один интересный момент. Этой белоручкой может быть как девушка коми-пермячка, так и девушка, русская по национальности. Семантические нюансы распределяются таким образом: девушка-русская, по представлениям носителя коми-пермяцкой культуры, изначально плохо умеет что-либо делать либо не хочет ничего делать, поскольку любит только наряжаться и ухаживать за собой, а девушка-коми-пермячка стала неумехой, поскольку накрасилась и принарядилась. Другими словами, причинно-следственные отношения в зависимости от национальной принадлежности субъекта становятся противоположными.

Довольно употребительно выражение *роч паськѳм* (вариант *рочѳвѳй паськѳм*) — дословно «русская одежда». *Рочѳвѳй паськѳм* нами был зафиксирован в кочевском диалекте коми-пермяцкого языка: «*Бѳбѳ мунан уджалны, пондас кѳ зэрны, паськѳм чистѳ вамас, дѳраѳвѳй да. ѳни чистѳ вешиан, паськѳм рочѳвѳй, чожа косьмѳ*» (На поле пойдѳшь работать, если пойдѳт дождь, одежда вся промокнет, домотканая потому что. Сейчас все штаны, одежда русская, быстро сохнет) [Лобанова 1993, 154]. В данном случае речь шла, конечно, об одежде, купленной в магазине. С помощью варианта *рочѳвѳй паськѳм* информант сообщал о том, что вещь сделана чужими руками. Впоследствии подобные выражения нам встречались и на других территориях распространения коми-пермяцкого языка. В приведенном высказывании отсутствует негативная коннотация, в нем констатируется факт наличия чужого предмета. Вариант *рочѳвѳй паськѳм* интересен еще и по своему составу: здесь налицо явление редупликации — к прилагательному *роч* добавляется русский суффикс *-ѳвѳй* (рус. -овый). Происходит своеобразное усиление семантики «чужой».

Не менее интересно выражение *рочѳн баитны* (разговаривать по-русски). Оно имеет и прямое, и перенос-

ное значение. Прямое — разговаривать по-русски, например: «*Мийѳ бура баитам рочѳн*» (Мы хорошо говорим по-русски).

Переосмысление анализируемого словосочетания проявляется в следующей ситуации — о поссорившихся близких людях (муже с женой, брате с сестрой и т. д.) могут сказать «*Ния талу рочѳн баитѳны*» (Они сегодня по-русски говорят) в значении «Они сегодня находятся в ссоре». В данном случае это выражение означает, что люди стали чужими или они перестали друг друга понимать.

От лексемы *роч* образовался глагол *рочавны* в значении «пригласить ненадолго, ненавязчиво». Приглашая к себе в гости родственников, близких друзей, коми-пермяки употребляют глагол *корны* (позвать, пригласить), например: *кори вовлыны* (пригласил прийти), *кори пыравны* (попросил зайти), *кори гѳститны* (пригласил погостить). Приглашая к себе на чашку чая соседей, коллег коми-пермяки скажут *рочали* (я пригласил, позвал). В этом глаголе хорошо проявляется семантика того, что в гости был приглашен чужой человек, не родственник, не близкий друг.

Пожалуй, в большей степени отрицательную коннотацию содержит выражение *роч пигыль*. Так скажут о русскоязычном человеке (мальчике, мужчине), не умеющем говорить по коми-пермяцки, или о коми-пермяке, специально не желающем говорить на родном языке, выдающем себя за русского. В первом случае прослеживается значение превосходства над этим человеком, во втором — осуждения, непонимания: «*Эта роч пигыль, сѳя миянѳс оз вежѳрт*» (Этот — русский пигыль, он нас не понимает); «*Роч пигыль тай лѳмат, комиѳн он вежѳрт*» (Ты, однако, стал русский пигыль, по коми не понимаешь). В данном выражении компонент *роч* выступает в современном значении — «русский». Второй компонент *пигыль* не имеет адекватного перевода и не поддается этимологическому и словообразовательному анализу. Г. Федюнева в работе «Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке» по поводу данного компонента писала, что *-ыль*, являясь словообразо-

вательным суффиксом, «используется в словообразовании существительных редко, но и в тех немногих производных он выступает часто как мертвый элемент, лишь иногда вычлняющийся из состава слова синхронно. <...> Основная же масса производных на *-ыль* не поддается словообразовательному анализу» [Федюнева 1985, 31]. Следует отметить, что ряд лексем коми-пермяцкого языка, окачивающихся на *-ыль*, имеет нейтральное значение: *быгыль* — «круг, бревно», *бугыль* — «глазница», а ряд — имеет устойчивые негативные ассоциации. Среди таких лексем *бобыль* — о ленивом, инертном человеке, *ырбыль* — о глупом, недалеко человеке. Думается, что изначально своеобразная игра звуков в варианте *пигыль* ассоциировалась с чужим, непонятным языком.

Устойчивое словосочетание *идья-зёрья коми-роч* (ячменно-овсяный коми-русский) употребляется в случае смешения говорящим двух языков: коми-пермяцкого и русского. В коми-пермяцко-русском словаре (1985) с пометой *просторечие* представлен вариант *идья-зёрья* (засорённый, о языке); *сылён басныс* ~ у него речь засорённая (с элементами разных языков)» [Баталова, Кривошекова-Гантман 1985, 153]. В данном случае нет оттенка открытого недовольства способностями говорящего или его осуждения, скорее всего с помощью данного выражения происходит констатация факта — человек путает, смешивает два языка. Например: «*Миян каганым идья-зёрья коми-роч*» (Наш ребенок ячменно-овсяный коми-русский) в значении «Наш ребенок путает два языка»; «*Ся татён двадцать лет олө, а сё идья-зёрья коми-роч*» в значении «Он (она) здесь двадцать лет живет, а все еще путает языки».

Термин *рочка* также представляет интерес. Это слово-определение характеризует деловую, активную женщину, достигшую определенного статуса и положения: «*Соседканым ёни рочка*» (Наша соседка теперь рочка) в значении «Наша соседка теперь деловая женщина»; «*Рочкаыс миянкөт оз төдчы*» (Рочка с нами не водится). Так скажут о женщине, ставшей, по мнению говорящего, чужой для своих знакомых. Дан-

ная лексема получила свое распространение в северных районах Коми-Пермяцкого округа.

Большую смысловую нагрузку имеет лексема *рочовка*. По ассоциативным признакам она близка и к слову *рочка*, поскольку так скажут только о женщине; и к выражению *роч пигыль*, потому что *рочовка* не желает говорить по-коми-пермяцки, хотя всем окружающим известно, что она владеет родным языком. Общие компоненты коннотивных значений сближают эту лексему и со словосочетанием *роч акань*, потому что *рочовка* стала одеваться по-городскому, вести себя как городская.

Одним словом, с помощью компонента *роч* необычайно тонко реализуется семантика характерных для менталитета коми-пермяка понятий свой/чужой, родной/неродной. Поскольку первоначальная семантика лексемы *роч* — «чужой, инородный», большинство рассмотренных выше выражений сохраняет ее в качестве коннотации.

Добавим, что в коми-пермяцком языке лексемы, отвечающей за понятие «чужой», вообще нет. Однако не может быть, чтобы этот смысл никоим образом не отражался в национальном языке. Тем более что сегодня употребляются следующие слова и выражения: *көдзытай* (холодный отец) — «чужой отец, отчим», *көдзытзон* (холодный сын) — «неродной сын, пасынок», *быдтас* (от глагола *быдтыны* (растить, воспитывать)) — «приемный сын», *йёзладор* (чужая сторона), *йёзын овны* (жить у чужих), *йёз отир* (чужие люди), пословица *Йёз муас и гортись ракалө рад* (На чужой земле своей (из твоего края) вороне радуешься) и др. Приведенные выше примеры транслируют народную мудрость и тонкой игрой слов раскрывают понятия *свой/чужой* и их противопоставление. Однако в коми-пермяцком языкознании данная оппозиция никогда не являлась предметом внимания.

К сожалению, следует признать, что этноконнотация относительно собственной, коми-пермяцкой, этнической принадлежности отражает скорее некоторую пренебрежительность, чем гордость. О низкой этнической самооценке говорит паремия: «*Зачем я родился пермяком, лучше бы я родился хояком*,

жил бы под амбаром да ел колхозный хлеб задаром» (зап. от Степана Ивановича Лесникова, 1930 г. р., д. Селёва, Кудымкарский р-н. 2001 г.). Экспрессивное обозначение собственного этноса, судя по сохранившимся письменным источникам, издавна было характерно для коми-пермяков [Рогов 1860]. Тем не менее сформировавшийся стереотип по поводу людей, не знающих их язык, не умеющих говорить на одном с ними языке, говорит о том, что коми-пермяцкий народ идентифицирует себя, проводит границу своего этнокультурного пространства.

Согласно данным коми-пермяцкого языка, можно утверждать, что ни один представитель иноэтнической группы не воспринимается как лицо опасное или враждебное. Каждый проанализированный этноним допускает семантику терпимости, в определенной степени толерантности. Немногочисленные этнические стереотипы, сформировавшиеся в сознании коми-пермяков, практически исключают какие-либо противоречивые и несовместимые характеристики. Мы склонны считать, что при употреблении коми-пермяками того или иного этнонима оценочная характеристика превалирует над эмоциональной составляющей этнического стереотипа. Признавая преобладание негативного отношения к представителям иных этносов, следует отметить, что у коми-пермяков нет и открытого самовозвышения.

Литература

Баталова, Кривошекова-Гантман 1985 — Баталова Р. М., Кривошекова-Гантман А. С. Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985.

Белова 2006 — Белова О. В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование). Автореферат дисс. ... д. филол. н. М., 2006. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/belova10.htm> (дата обращения: 05.06.2014).

Березович, Гулик 2002 — Березович Е. П., Гулик Д. П. Ономазиологический портрет «человека этнического»: принципы построения и интерпретации // Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурологическом аспекте. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezovich4.htm> (дата обращения: 05.06.2013).

Быкова 2007 — Быкова О. И. Этноконнотация как вид культурной коннотации (на

материале номинативных единиц немецкого языка). Автореферат дисс. ... д. филол. н. Воронеж, 2007. URL: <http://www.cheloveknauka.com/etnokonnnotatsiya-kak-vid-kulturnoy-konnotatsii> (дата обращения: 05.06.2013).

КПЯ 1962 — Коми-пермяцкий язык: Учебник для высших учебных заведений / под ред. В. И. Лыткина. Кудымкар, 1962.

Кривошекова-Гантман 2006 — Кривошекова-Гантман А. С. Собрание сочинений: в 2 т. Пермь, 2006. Т. 2. Ономастика.

КЭСКЯ 1970 — Краткий этимологический словарь коми языка / под ред. проф. В. И. Лыткина. М., 1970.

Лобанова 1993 — Лобанова А. С. Кочевский диалект коми-пермяцкого языка. Дисс. ... к. филол. н. М., 1993.

Микушев 1981 — Микушев А. К. Историко-культурные взаимосвязи пермских народов // Историко-культурные связи пермских народов (по данным фольклора и языка) / отв. ред. А. К. Микушев, И. В. Тараканов. Ижевск, 1981. С. 5—16.

Оборин 1974 — Оборин В. А. Соотношение легенд о чуди с коми-пермяцкими преданиями и их историческая основа // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья / отв. ред. А. С. Кривошекова-Гантман. Пермь, 1974. С. 107—120.

Оборин 1990 — Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Иркутск, 1990.

Ожегова 1971 — Ожегова М. Н. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре. Пермь, 1971.

Панюков 2003 — Панюков А. В. Роч «русский» в коми традиционной картине мира. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/gyabinin-2003/55.html> (дата обращения: 05.06.2013).

Попова 2010 — Попова О. А. Коми-пермяцкий фразеологический словарь. Пермь, 2010.

Рогов 1860 — Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков. М., 1860.

Толстой 1995 — Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Федюнева 1985 — Федюнева Г. В. Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке. М., 1985.

Summary. The article is dedicated to the questions of ethnonyms functioning in the Komi Permyak language. Fixed figurative meanings of some ethnonyms are analysed, their connotative meanings are described, and stereotype ideas concerning other ethnoses are formulated.

Key words: Komi-Permyaks, the Komi Permyak language, ethnos, ethnonym, ethnoconnotation.